

УДК 82.0

Павлова И.Б.

*Институт мировой литературы
Российской академии наук (г. Москва)*

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ В ПОИСКАХ БЛАГА НАРОДА

I. Pavlova

*The Institute of the World Literature
of Russian Academy of Sciences*

SALTYKOV-SHCHEDRIN AND HIS CONTEMPORARIES IN THEIR SEARCHES OF THE COMMON PEOPLE'S GOOD

Аннотация. Мыслящие представители русского общества шестидесятых годов XIX в. напряженно размышляли о том, что дает научно-технический прогресс народу, какие факторы, экономические или духовные, играют решающую роль в изменении жизни масс. По этому поводу высказывались резко противоположные мнения Герценом и Печериним, Чернышевским и историком К.Н. Бестужевым-Рюминым, Писаревым. Достоевский был глубоко убежден, что материальное благосостояние не может стать главной целью человеческого существования. Произведения Салтыкова-Щедрина свидетельствуют: тяжелейшее экономическое положение русского крестьянства и ограниченность его сознания так тесно связаны, что отделить причины от следствий невозможно. Но сатирик вместе с другими писателями-реалистами донес до читателя всю сложность и драматизм проблемы и передал для разрешения последующим поколениям.

Ключевые слова: народные массы, материальное благосостояние, духовные факторы, сложность решения проблемы.

Abstract. The Russian intellectuals in 1860s ardently reflected on such questions as negative or positive effect of the scientific and technological advance for the working people, the role of the spiritual and economic factors in the transformation of the common people's lives. Herzen and Pecherine, Chernyshevsky, historian Bestuzhev-Rumin, Pisarev argued about this problem. Dostoevsky believed, that material welfare could not be the aim of human existence. The works of Saltykov-Shchedrin proved that misery situation of the Russian peasantry and its narrow-mindedness were connected so closely, that it was impossible to separate the reasons from the consequences. The satirist together with other writers-realists showed the complexity and drama of this problem to the following generations.

Key words: the common people, material welfare, spiritual factors, the complexity of the solution of the problem.

Салтыков-Щедрин считал служение народу великой миссией, той жизненной целью, которая может «наполнить собой все содержание человеческой мысли и деятельности» [5, т. VI, с. 341-342]. «Это истина, – писал он, – которую могут отрицать лишь очень ограниченные люди, не понимающие, что все общественные идеалы, как бы ни было велико их разнообразие, все-таки, в окончательном результате, сливаются и сосредоточиваются в одном великом понятии о народе, как о конечной цели всех стремлений и усилий, порабощающей себе даже те высшие представления о правде, добре и истине, которые успело выработать человечество. Системы самые нелепые и самые несправедливые – и те сознают это и не могут обойтись без того, чтобы не прикрывать свои нелепости и неправды мнимым служением интересам народа» [5, т. VI, с. 342]. Художника-сатирика глубоко волновала судьба многомиллионного крестьянства, освобождающегося от пут крепостного права. Мыслящие представители русского общества напряженно размышляли над тем, что скрывается в «таинственных глубинах» [5, т. IX, с. 245] народных, какова роль масс в истории, влияют ли они, хотя бы опосредованно,

© Павлова И.Б., 2011.

на социальную, духовную жизнь России, как должны складываться отношения образованных и простых классов.

Начиная с шестидесятых годов XIX в. перед русскими писателями, публицистами, общественными деятелями, озабоченными судьбой народных масс, с особой остротой встал вопрос, не сводимый только к области философии, социологии, политэкономии, – в какой связи находятся для беднейших слоев материальное и духовное, что дает цивилизация, прогресс народу. По этому поводу остро полемизировали в 1853 г. Герцен и В.С. Печерин. Герцен доказывал всемогущество научного знания в деле избавления человечества от страданий: «Наука если и не пересоздает государства, то и падает в самом деле с ним. Она – средство, память рода человеческого, она – победа над природой, освобождение. Невежество, одно невежество – причина пауперизма и рабства. Массы были оставлены своими воспитателями в животном состоянии. Наука, одна наука может теперь поправить это и дать им кусок хлеба и кров. Не пропагандой, а химией, а механикой, технологией, железными дорогами она может поправить мозг, который веками сжимали физически и нравственно» [2, т. XI, с. 399]. В.С. Печерин выступал против абсолютизации роли утилитарной науки, указывал на антигуманные последствия научно-технических достижений, их враждебность духовному началу. «Для вас, – обращался он к своему оппоненту, – наука — всё, альфа и омега. Не та обширная наука, которая обнимает все способности человека, видимое и невидимое, наука – так, как ее понимал мир до сих пор, но наука ограниченная, узкая, наука материальная, которая разбирает и рассекает вещество и ничего не знает, кроме его. Химия, механика, технология, пар, электричество, великая наука пить и есть, поклонение личности (*le culte de la personne*) <...>. Если эта наука восторжествует, горе нам! <...> А куда бежать от тиранства материальной цивилизации? <...> Вот что меня приводит в ужас, ибо где же найти убежище от тиранства материи, которая больше и больше овладевает всем?» [2, т. XI, с. 400]. В другом письме тому

же корреспонденту Герцен утверждал свою мысль образно: «И чего же бояться? Неужели шума колес, подвозящих хлеб насущный толпе голодной и полуодетой? <...> Я полагаю, что несправедливо бояться улучшения жизни масс потому, что производство этого улучшения *может* обеспокоить слух лиц, не желающих слышать ничего внешнего. Тут даже самоотвержения никто не просит, ни милости, ни жертвы. Если на торгу шумно, не торговлю перенести следует, а отойти от него. <...>

Вы видите, если вместо свободы торжествует антимаериальное начало и монархический принцип, тогда укажите *нам* место, где нас не то что не будут беспокоить, а где нас не будут вешать, жечь, сажать на кол, как это теперь отчасти делается в Риме и Милане, во Франции и России» [2, т. XI, с. 402].

Чернышевский считал, что залог процветания европейских народов в развитии научного знания, техники, экономики, под влиянием которых совершенствуются общественные институты. В подцензурной статье «О причинах падения Рима. Подражание Монтеस्कье» (1861) он ясно дал понять, что России нужно двигаться в этом направлении. С критикой его позиции выступил историк К.Н. Бестужев-Рюмин в статье «Французские софизмы в параллель с русскими», посвященной разбору книги Э.П. Дюбуа-Гюшана «Тацит и его век или общество императорского Рима от Августа до Антонинов по отношению к современному нам обществу» и вышеупомянутой работы Чернышевского. Основная мысль автора заключается в том, что «мало одной материальной цивилизации, мало накормить народ, надо еще способствовать его развитию» [1, с. 122]. Выводы Чернышевского представляются К.Н. Бестужеву-Рюмину ошибочными, а статья вредной по своему воздействию на русское общество. Обращаясь к истории Рима, он доказывает, что преобладание материальных интересов в эпоху цезарей придало ей «тот грубый характер, которым она отличается» [1, с. 123]. Образованное большинство понимает важность духовного начала, но нет ничего удивительного в том, что вопрос о хлебе насущном столь

важен для беднейших классов. Социальные тенденции в современной ему Европе автор рецензии оценивает оптимистически. Массы пробуждаются, выступают на политическую арену, в обществе предпринимаются дружные усилия к их умственному и нравственному пробуждению. Обеспечение народа средствами к существованию и его просвещение должны быть взаимно связаны, такова позиция К.Н. Бестужева-Рюмина.

«Радикальный разночинец» Писарев в статье «Схоластика XIX века» (1861) поддержал Чернышевского: «Досуг и материальное довольство порождает цивилизацию, – писал он, – упрочьте экономический быт, обеспечьте материальную сторону, и народ скорее, чем вы думаете, примется читать и даже писать книги. А на голодный желудок как-то плохо действует книжное учение» [4, т. 2, с. 300]. Однако в статье «Реалисты», написанной три года спустя, трактовка вопроса критиком «Русского слова» усложняется. Он высказывает такой афоризм: «... мы бедны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бедны. Змея кусает свой хвост и изображает собой эмблему вечности, из которой нет выхода. Шарль Фурье говорит совершенно справедливо, что главная сила всех бедствий современной цивилизации заключается в этом проклятом *cercle vicieux*» [4, т. 6, с. 224]. Фурье называл порочным кругом буржуазной цивилизации тот факт, что бедность рождается из самого изобилия. В качестве выхода из него он предлагал создание крупного производства, развитие науки и искусства, которые помогут покончить с бедностью и невежеством. Писарев относил французского социалиста-утописта к числу «истинных друзей человечества», глубоко сочувствовал его страстной вере в безграничные возможности разума и рационалистическому подходу к решению сложнейших проблем общественной жизни. Он полагал, что порочный круг может быть разрушен действиями законодательной власти, состоящими в том, чтобы увеличить количество продуктов, остающихся в руках производителя, и тем самым противодействовать нищете и дать работнику средства к развитию.

Вопрос о соотношении материального и духовного в жизни личности, отдельного народа и всего человечества привлекал пристальное внимание Достоевского. Сострадавая «бедным людям», рисуя пронзительные картины нищеты, писатель, однако, стоял на позиции главенства религиозно-нравственного начала. Художник-мыслитель основывался на Евангельском положении «не хлебом единым». Если обратиться к сцене насыщения пятью хлебами пяти тысяч алчущих, то она, как известно, завершается напоминанием о том, что радеть надо прежде всего о пище духовной. Таким образом, христианское учение не отвергает заботы о хлебе насущном, практических стремлений преодолеть нищету, удовлетворить потребность естества в пище, одежде, жилище, но при этом четко определяет иерархию ценностей: именно духовное придает достойный смысл и делает плодотворной деятельность людей. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский указал на опасность поклонения буржуазному благосостоянию, торжествующему на Западе. Писатель горячо откликнулся на полемику Герцена и Печерина: в черновиках к «Подростку». ОН, будущий Версиров, говорит: «Телеги, подвозящие хлеб человечеству. Это великая идея, но второстепенная и только в данный момент великая. Ведь я знаю, что если я обращу камни в хлебы и накормлю человечество, человек тотчас же спросит: “Ну вот, я наелся; теперь что же делать?”» [3, т. XVI, с. 78]. Тот же смысл имеет высказывание в одном из поздних черновых вариантов исповеди Версирова: «Общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы – ничего не основывается, и деятель надувает пока одних дураков» [3, т. XVI, с. 431]. В IV главе третьей части романа «Идиот» происходит спор действующих лиц о современной науке, развитии социально-экономических формаций. Один из героев высказывает мнение, что так называемый прогресс может быть не только благотворен, но и губителен для человечества. Казалось бы, поступательное движение цивилизации

может обеспечить всеобщую солидарность, равновесие интересов, но если общество не опирается на нравственные основы, то кроме удовлетворения личного эгоизма и материальных побуждений никаких других результатов не будет. В этом случае распределение благ может привести к тому, что часть людей будет их просто лишена. Спор Герцена с Печериным представлялся Достоевскому чрезвычайно актуальным. Но мнения обоих участников не исчерпывают для него сложности проблемы. «Железные дороги» – символ научно-технического прогресса в XIX в., «спешат, гремят, стучат и торопятся для счастья, говорят, человечества!» [3, т. VIII, с. 311]. «Слишком шумно и промышленно становится в человечестве, мало спокойствия духовного», – жалуется один удалившийся мыслитель. «Пусть, но стук колес, подвозящих хлеб голодному человечеству, может быть лучше спокойствия духовного», – отвечает ему победительно другой, разъезжающий повсеместно мыслитель, и уходит от него с тщеславием» [3, т. VIII, с. 311-312]. По убеждению Достоевского, правильный подход к этому вопросу невозможен для людей, разъединенных с национальной «почвой», с народной средой.

Салтыков-Щедрин широко развернул тему безотрадных судеб русского крестьянства в писавшемся параллельно «Истории одного города» цикле «Письма о провинции» (1868-1870). В «Письме шестом» сатирик упоминает о мрачных «пророчествах» консервативно настроенных представителей дворянско-помещичьего класса, «историографов», по поводу того, что Российское государство после отмены крепостного права может ожидать та же участь, что и Западную Римскую империю или Византию, погубивших самих себя. «Историографы» забывают, эзоповски говорит автор, что причиной краха Рима и Византии был натиск варваров, которые представляли собой начала, чуждые развитым цивилизациям, подразумевая многомиллионное крестьянство, прозябавшее в нищете и темноте, но потенциально представляющее собой такую силу, что институт рабства был сокрушен. Опасаясь высказать свое несогласие

с реформой прямо, ретрограды указывают как на пагубные следствия ее на поголовное пьянство, экономический спад вследствие запустения крестьянских хозяйств, нежелание трудиться, неуплаты податей, распад семьи, беспризорность детей. Нравственный уровень народа, по их мнению, стал настолько низок, что в России делается невозможным создание боеспособной армии.

Ламентации «историографов» побуждают автора цикла в свою очередь исследовать причины, почему же в народной среде царят отчаянная бедность, невежество, фаталистическое отношение к своей участи. Салтыков-Щедрин решительно не согласен с тем, что упразднение крепостного права породило подобные явления. Происходящее невозможно отнести и за счет каких-то особых свойств русского народа, его органических пороков. Но очевидно, что главное несчастье крестьянина заключается не только в материальной, но и в духовной нищете: «...невозможно ни на минуту усомниться, что русский мужик беден действительно, беден всеми видами бедности, какие только возможно себе представить, и – что всего хуже – беден сознанием этой бедности» [5, т. VII, с. 248]. Автор высказывает горькие суждения о состоянии народных масс, мышление и чувства которых изуродованы нуждой и несправедливостью. В то же время несправедливо и негуманно, по его убеждению, осуждать человека, на жизнь которого самое ничтожное обстоятельство влияет так решительно, что сразу парализует в нем волю и энергию. Крестьянство фаталистически осуждено сосредоточиться лишь на добывании средств к существованию. Для него нет свободы, а только необходимость. Салтыков-Щедрин считает, что люди смогут думать о пище духовной, когда будет побеждена материальная нужда. Однако на пути решения этой задачи стоят трудности почти непреодолимые: «Человек массы мало того, что страдает: он, сверх того, имеет самое слабое сознание этого страдания; он смотрит на него как на прирожденный грех, с которым не остается ничего другого делать, как только нести его, насколько хватит сил» [5, т. VII,

с. 249-250]. Представителям обеспеченных классов трудно даже представить себе то убожество, в котором живут беднейшие слои. Если в них возбуждают негодование их недостатки: легковерие, одичалость, склонность к насилию, то осуждение невольно замирает, когда они погружаются в ту затхлую атмосферу, которой дышит народ. На примере несчастья крестьянской семьи, лишившейся кормильца, автор предсказывает ее будущую горькую участь и подчеркивает равнодушие к беде вдовы и сирот «мира», общины, идеализации которой Салтыков-Щедрин был всегда чужд. Признавая, что все изображенное им выглядит жестоким, диким, сатирик находит этому одно объяснение: дядя Митяй и дядя Миняй (обобщенный образ мужика) равны перед бедой, которая может в любой момент обрушиться на каждого из них, – отсюда безразличие и пассивность. Действительность никогда не способствовала пробуждению самосознания в народе, хотя Салтыков-Щедрин не отрицал как таковую просветительскую деятельность представителей образованных слоев, роль «пропагандистов-образователей». Обоюдно печально участь России и простого труженика, который представляется автору цикла «не более, как крайним полюсом той безграничной голой степи, на которой история не бросила ни одного этапа, ни одного освещающего путь маяка...» [5, т. VII, с. 252].

Салтыков-Щедрин признавал, что неразвитость крестьянских масс поистине пугающая: «Итак, оказывается, что, несмотря на вековечное существование, масса успела воспитать в себе только раболопное тяготение к силе да еще бессознательно равнодушное отношение не только к общим интересам, но даже и к тем, которые ближайшим образом затрагивают ее собственную жизнь» [5, т. VII, с. 253]. Параллельно с этими рассуждениями Салтыков-Щедрин высказывает мысль, что, если бы русский мужик сознавал свою бедность, его дело было бы наполовину выиграно, и главные причины экономического неустройства, случайность, произвол устранились бы сами собою. Для разрешения этой проблемы нужны идеалы, которые найдут

отклик в народной душе. Но в современной действительности они не вырабатываются. Возникает своего рода порочный круг, ответ на вопрос найти невозможно.

Однако, несмотря на удручающие наблюдения, автор цикла «Письма о провинции» обращает внимание читателя на такое, казалось бы, парадоксальное явление: существование образованных классов неразрывно связано с грубой, забитой и подчас жестокой толпой. Великий мыслитель отдает ей, может быть неосознанно, лучшую часть своей деятельности. Это объясняется, по мнению Салтыкова-Щедрина, «тою общечеловеческою основой, которая именно и составляет соединительное звено между неразвитою толпою и наиболее развитою человеческою личностью» [5, т. VII, с. 254]. Как бы подтверждая эту мысль сатирика, Достоевский заносит в «Дневник писателя» за февраль 1876 года следующее наблюдение, относящееся к области литературы: «... всё, что в ней есть истинно прекрасного, то всё взято из народа, начиная с смиренного, простодушного типа Белкина, созданного Пушкиным» [3, т. XXII, с. 43]. Наши писатели заимствовали у народа его «простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному. Не дивитесь, что я заговорил вдруг об русской литературе. Но за литературой нашей именно та заслуга, что она, почти вся целиком, в лучших представителях своих и прежде всей нашей интеллигенции, заметьте себе это, преклонилась перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные» [3, т. XXII, с. 44].

Салтыков-Щедрин критически относился к апологии смирения и терпения, не раз говорил о фатализме, присущем народному сознанию. Но чувства несчастной крестьянки, потерявшей кормильца, переданы им проникновенно. Они свидетельствуют о ее духовно-нравственной высоте, способности без ропота принимать несчастье: «– А что делать! – ответит она: – стану бумагу мотать, а ребятку по миру посылать буду!.. – И в гла-

зах ее не блеснет ни злобы, ни негодования, с языка ее не сорвется ни одной жалобы на этих дядей Митяев, которые оставляют ее беспомощною...» [5, т. VII, с. 251].

В то же время Салтыковым-Щедриным был создан художественный тип «чумазого» – представителя простого народа, достигшего материального благополучия. Это буржуазные хищники, наделенные писателем «говорящими» фамилиями, Дерунов, Разуваев, Колупаев и др., которых отличает страсть к стяжательству, алчность, неразборчивость в средствах, аморализм, глубокое невежество, отсутствие гражданских чувств. Внешнее благообразие оказывается в вопиющем противоречии с их сущностью. Так например, Осип Дерунов, герой цикла «Благонамеренные речи» (1872-1876), представляется «столпом» общества, но на поверку оказывается, что он не может считаться таковым: «Он не столп относительно собственности, ибо признает священною только лично ему принадлежащую собственность. Он не столп относительно семейного союза, ибо снохач. Наконец, он не может быть столпом относительно союза государственного, ибо не знает даже географических границ русского государства...» [5, т. XI, с. 121-122].

Писатель-сатирик ставит в своем произведении сложнейшие социальные, этические проблемы, которые заведомо неразрешимы в данный исторический период в такой стране, как Россия: что является первопричиной тяжелого положения народа, какова роль масс в истории, могут ли они из пассивно-страдательной силы превратиться в разумную.

Скептицизм не вытесняет у Салтыкова-Щедрина просветительских надежд, но он все сильнее окрашивает его последующие произведения, посвященные положению народа. Так, в цикле «За рубежом» (1880-1881) сатирик размышляет о безотрадных периодах (подразумевая в первую очередь современность), когда люди, задавленные «вечной работой», изнемогающие под игом тьмы, копошащиеся на гноище в проказе, теряют веру в возможность лучшей участи и в бескорыстную помощь. Преисполненные угрюмостью и

недоверием, они упорствуют в желании оставаться в темноте, мучиться своими недугами. Существует ли конкретный способ рассеять тьму? Мысли автора, высказанные по этому поводу, отличаются мрачной тональностью. Трудящиеся доведены до такого положения, что в них действует лишь инстинкт, грубо материальная потребность: «жрать!» [5, т. XIV, с. 228]. Тем самым они оказываются вне культуры, цивилизации, враждебны ей. Представителям образованных классов, стремящимся слиться с простым народом, не остается ничего иного, как выбрать проказу, лечь в навоз, есть хлеб, сдобренный лебедой, одеть рваный пониток и сжечь книгу – риторический прием, подчеркивающий нереальность подобного акта.

Салтыков-Щедрин считал, что стремление масс добиться благосостояния вполне естественно прежде всего потому, что дает возможность жить. И хотя господствующие классы видят в материальных запросах «неосновательность и неразумие» Иванушек, их примитивность, но только тогда, когда массы перестанут испытывать нужду, изменятся условия их труда, можно ожидать пробуждения человеческого достоинства, духовных стремлений. Возможность удовлетворить насущные потребности дает человеку чувство независимости. «Довольством материальным, – писал он в статье «Стихотворения Кольцова», обеспечивается довольство духовное» [5, т. V, с. 19]. В то же время в «Письмах о провинции» сатирик настойчиво повторял, как важно развитие народного самосознания. Несомненно, в такой позиции была своя правда. Вопрос о приоритете материального или духовного остался открытым. Но Салтыков-Щедрин, подобно Достоевскому, Герцену, Чернышевскому, Писареву, Толстому и многим другим русским мыслителям и художникам, донес до читателей его драматизм, сложность и передал для разрешения последующим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Французские софизмы в параллель с русскими. Э.П. Дюбуа-Гюшан. Тацит и его век, или общество императорского Рима от Августа до Антонинов по отношению к совре-

- менному обществу. Н.Г. Чернышевский. О причинах падения Рима. Подражание Монтескьё // Отечественные записки. – 1861. – № 8. – Отд.: Критика. – С. 109-124.
2. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М.: Художественная литература, 1954-1966.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. – Л.: Наука, 1972-1990.
4. Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. – М.: Наука, 2000-продолжающееся.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Художественная литература, 1965-1977.